

ДЕВЯТЫЙ ВЗГЛЯД

ДИЛАН ХАРБИ

Дилан Харби

Девятый взгляд

<https://litres.ru/74324573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк умеет смотреть чужими глазами. Сначала это кажется даром: восемь точек зрения помогают ему угадывать опасность, выигрывать ставки и спасать людей. Но каждый новый взгляд приносит не только изображение — вместе с ним приходят чужие страхи, желания и право решать, что важно.

В лаборатории «Лакуна» профессор Коган готовит эксперимент, который соединит миллионы людей в единый контур восприятия. Мир без одиночества, лжи и непонимания — или система, где человеку больше не принадлежит даже собственный выбор.

Рядом с Марком Инга — женщина, чей приказ приносит опасное облегчение: пока решает она, он свободен от ответственности. Чтобы остановить девятый взгляд, Марку придётся сделать то, чего он всегда избегал: выбрать самому.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дилан Харби

Девятый взгляд

Глава

ДЕВЯТЫЙ ВЗГЛЯД

роман

• • •

*Чем больше чужих глаз тебе доступно, тем меньше
остается твоих решений.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МОНИТОР

— • —

Глава 1. Девять экранов

На семьдесят восьмой минуте Марк увидел пенальти глазами мяча.

Нет, не буквально. У мяча не было глаз — эту мысль он успел сформулировать позже, уже после сирены, крика Антона и разбитой кружки. В тот момент было только вращение: зеленое поле переворачивалось, белые прожекторы падали сверху вниз, шипы бутсы приближались с пугающей нежностью. Потом удар разорвал мир на белое и черное.

Марк моргнул.

Перед ним стояла стена из восьми мониторов. В режиссерской аппаратной пахло пылью, горячим пластиком и кофе, который все собирались вылить, но почему-то продолжали пить. На центральном экране судья бежал к штрафной. На остальных — восемь привычных планов: общий, ворота, скамейка, кран над трибуной, две ручные камеры, суперслоумо и бессмысленный красивый кадр лица мальчика в шарфе.

— Третью готовь! — сказал Марк.

Его голос прозвучал спокойно. За это ему платили.

Внутри было иначе. Внутри он еще катился по траве.

— Третья готова.

— Третья в эфир. Повтор на шестой. Антон, не ори про пенальти, его пока нет.

— Он его даст, — донеслось из наушника. — Я вижу душу этого мерзавца.

Антон Рудой видел души судей по три раза за матч и каждый раз разные. Сейчас он сидел в комментаторской кабинке этажом ниже, в мокрой рубашке, хотя за окном шел ноябрьский снег.

Судья коснулся наушника. Стадион загудел.

Марк посмотрел на экран с камерой за воротами — и оказался внутри вратаря.

Перчатки были слишком тесными. Левая щиколотка горела. Нападающий в синем поправил гетру и на долю секунды глянул вправо. Вратарь тоже это увидел. Но важным для

него оказался не взгляд нападающего. Важным было маленькое темное пятно у левой штанги: кусок взрыхленной земли, в который нога провалится на полсантиметра, если толкнуться туда.

Чужая важность вошла в Марка раньше, чем чужая мысль.

Он не услышал слов «будет бить влево». Он почувствовал, как мир наклонился влево.

— Пенальти! — взревел Антон.

На табло трансляции мигнула задержка. Рекламный модуль букмекерской конторы закрыл нижнюю треть кадра. Коэффициент на то, что вратарь отразит удар, вырос до 5,7.

Телефон лежал экраном вниз у локтя Марка.

Он обещал себе не ставить во время работы. Обещание было аккуратное, почти профессиональное: не «никогда», а только «во время работы». Так человек не покупает водку до шести, чтобы после шести считать себя свободным.

— Марк, повтор готов, — сказала Лена, ассистент режиссера.

— Восьмая, лицо тренера. Шестая — после свистка.

Он перевернул телефон.

Палец сам нашел приложение. Остаток на счете — двадцать восемь тысяч четыреста рублей. Деньги, которые должны были стать новым холодильником для матери, потому что старый скрипел по ночам и однажды, по ее словам, «сам отодвинулся от стены». Марк открыл ставку на сейв.

Семь мониторов вдруг перестали быть мониторами.

Он видел нападающего изнутри судьи: слишком бледный, дыхание частое, подошел к точке не по прямой. Видел судью глазами тренера: черная фигурка, которой можно будет приписать любое поражение. Видел вратаря глазами мальчика на трибуне: огромный, одинокий, прекрасный. Видел ворота с камеры — обычное плоское изображение. Видел пальцы Лены, бегущие по пульту. Видел собственный затылок.

Марк отнял руку от телефона.

Последнего кадра не могло быть.

В аппаратной не было камеры за его спиной. Там была серая стена, пожарная инструкция и древний кондиционер с надписью «НЕ ТРОГАТЬ — РАБОТАЕТ».

Но он видел себя оттуда ясно: ссутуленного, худого, в черной рубашке, с телефоном в руке. Видел темную полосу пота между лопаток. Видел, как его большой палец завис над кнопкой «Поставить».

Восемь взглядов тянули его в разные стороны.

Один боялся левого угла. Один хотел славы. Один хотел, чтобы все скорее кончилось. Один считал деньги. Один был уверен, что уже видел этот матч во сне. Один ничего не понимал и верил в человека в воротах. Один искал красивый кадр. Один смотрел на Марка со спины.

Марк нажал.

Не потому, что решил. Решение возникло как результат голосования, проведенного без него.

Нападающий разбежался.

— Первая, общий! — сказал Марк. — Пятая готовь вратаря. Шестая пишет сто кадров.

Удар был сильным и низким. Вратарь прыгнул влево, но не туда, куда собирался: левая нога попала в рыхлое пятно, тело повело, и вытянутая рука оказалась на несколько сантиметров ниже. Именно там летел мяч.

Сейв.

Стадион издал звук, похожий на обрушение огромного пустого здания.

— Да! — заорал Антон. — Да ты железный ублюдок!

Лена стукнула ладонью по столу, задела кружку, и кофе растекся по схеме резервного питания.

— Седьмая, слезы нападающего. Пятая в эфир. Повтор, — говорил Марк. — Медленнее. Еще медленнее. Замри на перчатке.

Телефон коротко завибрировал. Сто шестьдесят одна тысяча восемьсот восемьдесят рублей.

Марк смотрел на экран, где перчатка касалась мяча.

Кадр из-за спины не исчез.

Наоборот, он приблизился. Теперь тот, кто смотрел, стоял совсем рядом. Если бы у него было дыхание, Марк почувствовал бы его на шее.

Он резко обернулся.

Серая стена. Инструкция. Кондиционер.

— Что там? — спросила Лена.

— Ничего.

В девятом взгляде Марк продолжал сидеть лицом к мониторам.

А потом человек, похожий на него, медленно поднял голову и посмотрел прямо на того, кто смотрел.

Глава 2. Тот, кто смотрел сзади

После эфира Антон предложил отметить победу, о которой не знал.

— За лучший матч сезона, — сказал он, запихивая шарф в рюкзак. — И за то, что ты наконец начал давать мне крупные планы вовремя. Ты взрослеешь.

— Мне тридцать пять.

— Позднее развитие тоже развитие.

Марк отказался. Сослался на мать, на холодильник, на головную боль. Все три причины были правдой, поэтому прозвучали как ложь.

Когда аппаратная опустела, он встал спиной к серой стене.

Невозможный взгляд переместился вместе с ним и теперь смотрел из-под потолка. Марк видел собственное лицо сверху: длиннее, чем в зеркале, нос кривой после школьной драки, под глазами тени. Он поднял правую руку. В чужом кадре рука поднялась с небольшой задержкой.

Ноль целых две десятых секунды, автоматически определил он.

У любой трансляции была задержка. Даже у реальности, если знать, где искать.

Марк прошел вдоль стены. Взгляд следовал за ним. Он закрыл глаза — и продолжал видеть аппаратную. Не темноту с красными прожилками под веками, а себя, стоящего с зажмуренным лицом.

Это было страшно ровно три секунды.

Потом стало интересно.

Он достал телефон и включил фронтальную камеру. На экране появилось его лицо. В невозможном взгляде он увидел экран телефона, на экране — лицо, в зрачках лица — крошечные мониторы аппаратной. Получился коридор из Марков, каждый из которых заглядывал в следующего.

На пятом или шестом отражении что-то шевельнулось.

Не он.

Марк выронил телефон.

Кадр исчез.

В метро способность вернулась во множественном числе.

Напротив сидела женщина в красной шапке и читала переписку. Марк случайно встретился с ней взглядом — и увидел себя ее глазами. Для нее важными оказались не его лицо и не глаза, а молния на куртке, разошедшаяся вниз. Ее взгляд зацепился за нее с раздражением, и Марк ощутил чужое желание дернуть замок вверх.

Он поправил молнию.

Женщина тут же отвернулась.

Канал остался.

Теперь Марк одновременно видел вагон со своего места

и мутное окно над ее плечом. По стеклу бежало отражение мужчины с пакетом. Женщина считала его пьяным и опасным; пакет в ее восприятии стал тяжелее, рука мужчины — подозрительнее. Марк посмотрел сам. Мужчина просто спал стоя, зажав между ног корм для кошек.

На следующей станции вошел подросток. Его глаза на секунду встретились с глазами женщины, и Марка перекинуло дальше.

Мир прыгнул.

Он увидел телефон подростка, игру с бегущим человеком, собственные кроссовки подростка и девушку у двери. Девушка была важнее игры. Ее зеленый ноготь, цепочка на шее, край наушника — три ярких острова в сером вагоне. Все остальное существовало только как препятствие между подростком и возможностью быть замеченным.

Марк обнаружил, что улыбается.

Путешествовать по чужим взглядам было легче, чем смотреть самому. Не надо было искать интересное: каждый человек уже сделал отбор. Каждый был режиссером собственного эфира и круглые сутки выдавал в мир только один кадр — тот, который считал главным.

Он перескочил к девушке.

Это получилось не сразу. Подросток посмотрел на нее, она подняла глаза, и в момент их встречи Марк словно шагнул через узкую щель. Теперь он видел подростка со стороны. Тот казался младше, чем был, и слишком старался дер-

жать подбородок. Девушка отметила его руки — ногти обкусаны — и больше не захотела замечать.

Чужое решение прошло через Марка легким холодом.

Не смотреть.

Он послушался. Его собственные глаза опустились.

Так он доехал до своей станции, ни разу не выбрав, куда смотреть.

На улице шел мокрый снег. Марк поднял воротник и проверил выигрыш. Деньги были на счете. Настоящие. Их можно было вывести, купить холодильник, погасить две просрочки, оставить что-то себе. Он выбрал «Вывести средства».

Приложение предложило подтвердить операцию.

Палец завис.

Сто шестьдесят тысяч уже казались не деньгами, а доказательством. Если вывести их сейчас, опыт закончится. Если оставить, можно проверить способность еще раз. Он ненавидел момент, когда два будущих стояли перед ним одинаково убедительно.

Марк оглядел улицу.

Восемь прохожих — восемь окон. Курьер выбирал, срезать ли через двор. Старик думал, успеет ли на зеленый. Девушка решала, ответить ли на звонок. Водитель автобуса смотрел на желтый сигнал. Мужчина у киоска сравнивал две пачки сигарет. Женщина в красной шапке, вышедшая следом, искала зонт. Подросток надеялся, что зеленоногте-

вая девушка тоже выйдет. Девятый взгляд стоял за Марком в снегу.

Он мысленно задал вопрос: вывести деньги или оставить?

Пять взглядов тянулись вперед. Три — назад.

Марк нажал «Отмена».

Облегчение оказалось почти физическим. Он ничего не решил. Мир решил за него, а ответственность растворилась в статистике чужих движений.

В этот момент девятый взгляд приблизился к его телефону.

На экране приложения, под суммой выигрыша, проступила тонкая красная надпись, которой не было в интерфейсе:
ДОБАВИТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОЛОС?

Марк отшатнулся и уронил телефон в снег.

Когда поднял, надпись исчезла.

Осталась только его ставка — и кнопка «Повторить».

Глава 3. Коэффициент

Утром холодильник матери все еще не был куплен.

— Он сегодня разговаривал, — сообщила она по телефону.

— Кто?

— Холодильник. Кто еще у меня разговаривает? Ты звонишь раз в три дня.

— Что сказал?

— Что устал. Мы с ним в одинаковом положении.

Марк пообещал приехать вечером и заказать новый. По-

сле разговора открыл букмекерское приложение.

Ночью он составил правила. У всякого безумия должны быть правила, иначе оно получает слишком много свободы.

Первое: не больше восьми чужих взглядов одновременно.

Второе: подключение происходит через встречу глаз — прямую или экранную.

Третье: картинка приносит с собой не мысли, а приоритеты. Красное, опасное, желанное, стыдное. То, что человек считает важным, светится без света.

Четвертое: девятый взгляд правил не соблюдает.

Пятое: никаких ставок до проверки.

Пятое правило Марк нарушил первым.

Он выбрал дневной теннисный матч в Монпелье. Пустые трибуны, два игрока, судья на вышке и хорошая трансляция с крупными планами. В теннисе было мало людей и много глаз. Идеальная лаборатория для человека, который не мог отличить открытие от повода заработать.

Первый сет Марк смотрел честно. Француз подавал резко, но после длинных розыгрышей начинал беречь правое плечо. Аргентинец стоял дальше за задней линией и будто ждал, когда соперник сломается сам. Коэффициенты ползли вслед за счетом.

Марк поймал взгляд француза на камеру.

Запах резины и пота ворвался без запаха. Ракетка стала продолжением ладони. Правое плечо пульсировало тупо, не как травма, а как долг, срок которого приближался. Самым

важным на корте был не соперник. Самой важной была белая линия подачи: слишком близкая, слишком строгая.

Он перескочил к аргентинцу.

Тот видел плечо француза. Не боль — только едва заметное укорочение замаха. В его мире правый угол корта был ловушкой, которую следовало терпеливо закрывать.

Судья хотел в туалет.

Оператор хотел, чтобы матч закончился до смены.

Девушка, подающая мячи, боялась сделать шаг раньше сигнала.

Тренер француза изображал спокойствие для камеры.

Седьмой канал принадлежал пожилому мужчине в первом ряду, который каждый раз перед подачей смотрел не на игрока, а на часы.

Восьмой — кому-то за спиной пожилого мужчины. Марк не видел лица, только его взгляд: сетка, затылок старика, левое колено аргентинца. Холодный, точный интерес.

Девятый снова смотрел на Марка.

На этот раз из кухни.

Марк сидел в комнате, но ясно видел себя через дверной проем, рядом с чайником и раковиной. Высота взгляда была необычно низкой — примерно метр двадцать. Так мог бы смотреть ребенок. Или человек на коленях.

Он закрыл канал усилием, похожим на попытку не услышать собственное имя в шумной комнате.

Сработало.

Сразу стало легче дышать.

На корте француз выиграл гейм всухую. Коэффициент на его победу опустился. Но Марк видел, как плечо разгорается в чужой карте важности. Еще два гейма, может быть три — и подача посыплется.

Он поставил половину выигрыша против француза.

Через двадцать минут тот вызвал врача.

Через тридцать снялся.

Сумма на счете стала похожа на годовую зарплату.

Марк не почувствовал радости. Он почувствовал подтверждение, а оно было опаснее радости: радость хочет повториться, подтверждение хочет стать системой.

К вечеру у него была таблица. Вид спорта, тип подключения, количество каналов, качество предсказания, доход. Он ставил мало, потом больше. Баскетбол оказался слишком быстрым: чужие намерения перебивали друг друга. В хоккее мешали шлемы. Киберспорт дал удивительно чистую картину — игроки смотрели на экраны, а их мир уже был разделен на задачи, угрозы и маршруты. Марк видел решение раньше, чем палец нажимал клавишу.

Он выиграл пять раз подряд.

Шестую ставку не сделал.

На трансляции женского волейбола одна из спортсменок посмотрела прямо в камеру. Марк подключился и вместо площадки увидел свою комнату.

Он сидел за столом ее глазами.

Спортсменка находилась в Турции. Марк — в Москве. Между ними были три тысячи километров, спутник, серверы, реклама шампуня и несколько секунд задержки. Но ее взгляд стоял у него за левым плечом.

Марк повернулся.

Никого.

В ее — или уже не ее — поле зрения на стене висела фотография отца. Отец умер девять лет назад и не любил фотографироваться. На снимке он шурился от солнца, держал Марка пятилетним на плечах и смотрел куда-то мимо объектива.

Чужой взгляд приблизился к фотографии.

Не к лицу отца. К его глазам.

Марк захлопнул ноутбук.

Темнота не наступила. Восемь окон остались внутри.

А девятое теперь смотрело из фотографии.

Телефон зазвонил. Антон.

— Ты сегодня богатый или мертвый? — спросил он вместо приветствия.

— Почему богатый?

— Потому что ты вчера весь матч смотрел как человек, которому уже сообщили счет. А мертвый — потому что богатые друзья обычно перестают брать трубку.

Марк молчал.

— Так какой вариант?

— Оба.

— Отлично. Приезжай в бар. Там есть женщина, которая умеет определять сотрясение мозга по тому, как человек держит стакан.

— Мне не нужна женщина.

— Тебе нужна хоть какая-нибудь внешняя причина выйти из квартиры.

Фраза зацепилась за Марка. Внешняя причина. Что-то, что выберет за него.

Он открыл восемь взглядов и мысленно поставил вопрос: ехать или остаться?

Шесть смотрели на выходы, дороги, двери, движение. Два — в экраны.

— Куда ехать? — спросил он.

Антон назвал адрес.

Девятый взгляд в фотографии отца закрылся последним.

Глава 4. Чужая важность

Бар назывался «Ошибка выжившего» и был устроен так, чтобы посетитель немедленно доказал это название на себе. Ступенька у входа была выше, чем казалась. Низкая балка над лестницей собирала лбы. В коктейлях прятался крепкий алкоголь, а в туалетах — зеркала, в которых человек выглядел увереннее, чем был.

Антон сидел у стойки с двумя женщинами и рассказывал, как однажды вел репортаж с матча, которого не существовало.

— Технический сбой, — говорил он. — Картинка замер-

ла, связь со стадионом умерла. Семь минут я комментировал стоп-кадр. И никто не заметил. Потому что я говорил правду о российском футболе: «Команды присматриваются друг к другу, никто не хочет рисковать».

Увидев Марка, он поднял бокал.

— Вот человек, который выбрал правильный кадр и спас страну от скуки.

— Страну спас твой крик.

— Крик — последний честный жанр журналистики.

Женщину справа звали Ника. Короткие волосы, большой серый свитер, внимательные пальцы, которыми она вертела на столе металлическое кольцо. Слева сидела другая — темноволосая, в черной рубашке, с почти неподвижным лицом.

— Инга, — представилась она.

Ее правый глаз был карим. Левый — серым, с тонким золотистым ободком вокруг зрачка. Не линза. Слишком правильная радужка, слишком чистый белок, слишком редкие моргания.

Марк встретился с ней взглядом.

Мир разделился.

Через серый глаз он увидел себя, Антона, отражение бутылок, зеленую лампу над стойкой. Изображение было резким до жестокости: поры на коже, пыль на воротнике, микроскопическая трещина на бокале. Значимость объектов была размечена тонкими бесцветными контурами, как в интерфейсе, которого еще не придумали.

Через карий глаз не пришло ничего.

Не темнота. Стена.

Марк попробовал сильнее.

Инга чуть наклонила голову.

— Не надо, — сказала она.

Восемь каналов закрылись одновременно.

Марк едва не упал. Бар сжался до одного нормального изображения: стойка, лица, лампа. Один мир. Один угол. Тишина была такой полной, что он услышал, как лопаются пузырьки в пивной пене.

— Что вы сделали?

— Попросила вас не делать.

— Я не...

— Делали.

Антон улыбался, не замечая ничего.

— Инга чинит глаза, — объяснил он. — Ника чинит то, чем глаза потом соединяют с мозгом. Я чиню людям настроение. Ты портишь эфир. Идеальная команда.

Ника перестала крутить кольцо.

— Давно у вас мультиплекс?

Слово прозвучало буднично. Марк почувствовал, как страх выбирает за него ответ.

— Какой мультиплекс?

— Зрительный. Не телевизионный.

Антон наконец замолчал.

— Вы знакомы? — спросил он.

— Уже да, — сказала Инга.

Марк встал.

— Мне пора.

— Сядьте, — сказала она.

Он сел.

Не потому, что испугался. Не потому, что подчинился красивой женщине. Ее голос сделал то, что несколькими часами раньше делали восемь чужих взглядов: снял с него необходимость решать. В короткой команде не было пространства, где могло разрастись сомнение.

Марк почувствовал облегчение — и сразу возненавидел себя за него.

Инга это заметила. Живой карий глаз стал мягче. Серый остался точным.

— Сколько окон? — спросила Ника.

— Не понимаю.

— Понимаете, — сказала Инга. — Сколько вы удерживаете, прежде чем начинает исчезать собственное?

Марк посмотрел на Антона. Тот больше не улыбался.

— Восемь.

Ника медленно выдохнула.

— Плюс свое?

— Плюс еще одно.

Инга и Ника переглянулись.

И в этом переглядывании Марк впервые понял главное отличие чужой картинки от чужой важности. Картинка ска-

зала: две женщины посмотрели друг на друга. Важность ска-
зала: произошло то, чего они боялись несколько лет.

— Как выглядит девятое? — спросила Инга.

— Смотрит на меня. Обычно со спины.

— У него есть носитель?

— Я не видел.

— Оно показывало вам то, чего рядом нет?

Марк вспомнил кухню, фотографию отца, красную над-
пись на телефоне.

— Да.

Инга взяла его стакан и отодвинула.

— Сегодня не пейте.

Он почувствовал вторую волну облегчения. Теперь и это
было решено.

— Вы всегда так разговариваете?

— Только когда человек рад приказам и делает вид, что
возмущен.

Антон переводил взгляд с одного на другого.

— Я ничего не понимаю, — сказал он. — Но впервые ви-
жу, чтобы Марк сел быстрее, чем успел придумать оправда-
ние. Продолжайте.

Инга вынула из кармана черную карточку без логотипа.
На ней был адрес в старом промышленном квартале и время:
09:30.

— Завтра вы придете сюда.

— Это вопрос?

— Нет.

— А если не приду?

— Тогда однажды откроется взгляд, который не сумеете закрыть. Через него кто-то найдет ваши глаза. Потом — глаза человека, который смотрит на вас. Потом следующие. Вы станете дверью, даже не заметив, что открылись.

— Для кого?

Инга посмотрела на него живым глазом. Туда Марк по-
пасть не мог.

— Вот это мы и хотим узнать.

Она встала. Ника пошла за ней.

У выхода Инга обернулась. Серый глаз поймал Марка, и на мгновение он снова увидел себя через протез. Вокруг его головы дрожал едва заметный девятый контур.

— И еще, Марк.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Сейчас домой. Телефон Антону. Ставок не делать.

Дверь закрылась.

Антон посмотрел на Марка.

— Ну?

Марк положил телефон перед ним.

— Подержи до завтра.

— Почему?

— Потому что она сказала.

Антон задумался, затем убрал телефон в карман.

— Кажется, я впервые присутствовал при том, как чело-

век влюбился в технику безопасности.

Марк снова открыл восемь взглядов.

Восемь смотрели вслед Инге. Девятый — на Антона.

Глава 5. Девушка с закрытым глазом

Утром Марк опоздал на три минуты и счел это маленькой победой свободы воли.

Инга встретила его у проходной.

— Вы опоздали.

— Я пришел.

— Это две разные характеристики.

Здание когда-то принадлежало заводу точных приборов. Теперь на кирпичном фасаде не было ни вывески, ни номера; только камеры под карнизом провожали посетителя плавными черными головами. Карточка Инги открыла турникет, лифт и белую дверь на четвертом этаже.

За дверью начинался другой мир — слишком чистый для старого завода. Матовые стены, свет без ламп, тонкий запах озона. На стекле переговорной было написано одно слово:

ЛАКУНА

— Пробел? — спросил Марк.

— Слепое пятно, — сказала Инга. — То, чего человек не видит и потому считает отсутствующим.

В комнате сидел седой мужчина в синем костюме и ел яблоко над раскрытым ноутбуком. У него было лицо доброго врача из рекламы, который сначала сообщает диагноз, а потом предлагает рассрочку.

— Марк Семенович, — сказал он. — Лев Аронович Коган. Спасибо, что пришли добровольно.

— А были варианты?

— Всегда. В этом вся проблема.

Коган протянул руку. Когда Марк посмотрел ему в глаза, канал не открылся.

Еще одна стена.

— Контактные линзы? — спросил Марк.

— Парализующие узор саккад, — ответила Инга. — Для мультиплекса глаза должны не просто встретиться. Они должны признать друг друга смотрящими.

— Очень романтично, — сказал Коган. — Инга объясняет это так, будто мы занимаемся электричеством. На самом деле мы занимаемся гостеприимством. Одни глаза пускают в дом, другие нет.

Он доел яблоко и аккуратно завернул огрызок в салфетку.

— Когда началось?

Марк рассказал о матче. Про ставку умолчал. Коган слушал, не перебивая, но Инга один раз едва заметно подняла бровь — на словах «я просто заметил движение вратаря».

— Восемь чужих и девятое без носителя, — сказал Коган. — До вас мы видели максимум четыре. После пяти испытуемые теряли способность отличать собственное намерение от принесенного каналом. Один мужчина три часа искал ребенка, которого никогда не имел. Он смотрел глазами матери в торговом центре.

— Вы это создавали?

— Мы это обнаружили. Создавать — слишком лестный глагол.

На стене включился экран. Возникла схема мозга, усеянная цветными дугами.

— Зрение кажется частным, — продолжил Коган. — Свет попадает в ваши глаза, мозг строит картину, картину получаете вы. Замкнутая система. Но внимание — социально. Мы учимся смотреть, следуя чужому взгляду. Ребенок видит не просто чашку; он видит, что мать боится, как бы он ее не уронил. Значимость передается раньше слова.

— И я теперь ребенок?

— Вы теперь весьма дорогой ребенок.

Инга поставила перед Марком стакан воды.

— Не шутите с ним, — сказала она Когану.

— Почему? Юмор — это зрение, которое пережило столкновение с реальностью.

— Потому что он использовал способность для ставок.

Марк посмотрел на нее.

— Откуда вы...

— В баре вы проверяли коэффициенты каждые сорок секунд. Протез фиксирует отражение экрана.

Коган перестал улыбаться.

— Сколько?

— Какая разница?

— Для науки — никакой. Для понимания скорости вашей

зависимости — значительная.

Марк назвал сумму.

Коган присвистнул.

— Хорошая новость: вы быстро учитесь. Плохая: учитесь не тому.

— Вы позвали меня читать мораль?

— Нет. Мораль плохо работает на людях, которые уже нашли прибыльное объяснение своему поведению. Мы позвали измерить вас до того, как девятое окно измерит нас.

Ингу готовили в соседней комнате. Ника прикрепляла к ее вискам датчики. Марку надели легкий обруч с электродами и посадили напротив.

— Смотрите в протез, — сказала Инга.

— Почему не в живой глаз?

— Потому что он мой.

Ответ был холодным, но Марк услышал в нем не запрет, а границу. Граница оказалась почти физическим предметом, и ему захотелось коснуться ее только потому, что нельзя.

Серый глаз открыл канал. Марк увидел себя. Поверх изображения побежали метки: частота моргания, направление взгляда, пульс в коже шеи. Важность внутри протеза была странной. Машина не боялась, не желала и не стыдилась. Она сортировала. Лица. Контуры. Возможные угрозы. Дверь. Руки.

Его руки протез отметил желтым.

— Почему желтым?

— Не отвлекайтесь, — сказала Инга. — Откройте второй канал.

За стеклом Ника подняла голову. Марк поймал ее взгляд. Сразу возникло второе окно. Ника видела его и Ингу как график, который пока не начал падать. Самым важным для нее был бегущий ряд цифр внизу монитора.

— Третий.

Коган вошел без линз. Его глаза оказались светло-голубыми, почти бесцветными. Подключение ударило запахом яблока, которого Марк на самом деле не чувствовал. Коган смотрел на него с восхищением коллекционера и тревогой сапера. Важнее всего для него была не активность мозга на экране, а пустой сектор справа от нее.

— Четвертый.

Техник за дверью. Пятый — охранник на лестнице через цепочку взглядов. Шестой — женщина внизу у турникета. Седьмой — курьер на улице. Восьмой — водитель, которого увидел курьер.

Марк потерял комнату.

Вместо нее возник конвейер: лицо Инги, цифры Ники, пустой сектор Когана, лестница, турникет, снег, красный автобус. Каждый канал толкал его к своему важному. Дверь. Пульс. Светофор. Пакет. Лицо. Пустота.

Собственные глаза продолжали смотреть на Ингу, но Марк перестал понимать, почему.

— Назовите свое имя, — сказала она.

— Марк.

— Фамилию.

Он знал. Слово лежало рядом, но восемь чужих миров не считали его важным.

— Закройте шестой канал.

Как закрыть автобус? Как закрыть женщину, которая боялась опоздать? Марк попытался отвернуться сразу всеми глазами и почувствовал тошноту.

— Не могу.

— Можете. Это не зрение. Это приглашение. Перестаньте быть вежливым.

— Я не...

— Шестой. Закрыть.

Автобус исчез.

— Седьмой. Закрыть.

Снег исчез.

— Пятый.

Турникет погас.

Голос Инги шел впереди него и захлопывал двери. Марк следовал, не принимая ни одного решения. С каждым закрытым каналом тело возвращалось: сначала руки, потом живот, потом неприятная теснота обуви.

— Все, кроме моего, — сказала она.

Он подчинился.

Осталось изображение из ее серого глаза. В нем Марк сидел неподвижно, почти счастливо.

— Теперь мой.

Мир схлопнулся до собственных глаз.

Один стул. Одна женщина. Один стакан воды.

Марк рассмеялся.

Смех перешел в короткий судорожный вдох. Он наклонился вперед, закрыв лицо ладонями.

— Еще раз, — сказал он.

— Нет.

— Я хочу научиться.

— Вы хотите, чтобы я снова решила за вас.

Он поднял голову. Инга смотрела карим глазом, и там, за непроницаемой стеной, было что-то человеческое, чего не мог разметить ни один протез.

— Какая разница, если работает?

— Вся, — сказала она.

Глава 6. Правила подключения

Три дня Марк ходил в «Лакуну» как на вторую работу и врал на первой, что лечит позвоночник.

Это объясняло, почему он иногда замирал посреди аппаратной, поворачивал голову не туда и отвечал на вопросы, которых никто не задавал.

Ника выдала ему маленький черный браслет. Он измерял пульс, движение глаз и количество активных каналов. При шести вибрировал. При восьми бил током.

— Слабо, — сказал Марк после первого разряда.

Ника увеличила мощность.

— Я имел в виду воздействие метода на научную проблему.

— Научная проблема сейчас сидит и умничает.

Они тренировались в комнате с односторонним стеклом. За ним по очереди появлялись добровольцы: студент, пенсионерка, водитель такси, девочка лет десяти с матерью. Марк открывал канал, описывал картинку и называл три объекта, обладавших наибольшей значимостью.

У студента это были часы, дверь и грудь Ники.

У пенсионерки — левая рука Марка, стакан воды и выключатель.

У таксиста — камера в углу, ботинки Марка и телефон в кармане.

У девочки — золотая пуговица на пиджаке Когана, собственное отражение в стекле и пустой стул у стены.

— Почему стул? — спросил Марк.

Девочка пожала плечами.

— Там дедушка сидит.

Мать побледнела.

— Ее дед умер в августе.

Коган прекратил эксперимент. Девочку вывели, но взгляд остался.

Он был низким, спокойным и смотрел на пустой стул.

— Это девятый? — спросила Ника.

— Нет, — сказал Марк. — Другой.

Он впервые открыл канал, у которого не было живого но-

сителя, добровольно.

Комната стала выцветшей, как старая фотография. Девочка была яркой, мать — почти прозрачной, а на пустом стуле сидела плотная тень в форме человека. Марк не видел лица. Он чувствовал только важность: девочка, девочка, девочка. Без слов, без просьбы, без попытки прикоснуться. Такая чистая направленность, что ему стало стыдно за все сложные чувства, которые он называл любовью.

— Закройте, — сказала Инга.

— Подождите.

— Марк.

— Он ее видит.

— Вы не знаете, кто «он».

Тень повернула голову к Марку.

Девочка исчезла из центра важности.

Теперь важным был он.

Браслет ударил током. Марк отдернул руку, будто это помогало закрыть взгляд.

— Смотрите на меня, — приказала Инга.

Он нашел ее серый глаз. Протез открыл чистый канал, разметил угрозу красным. Пустой стул светился так ярко, что контуры расплывались.

— Закрыть мертвый. Оставить мой.

— Он не закрывается.

— Тогда выбросьте его.

— Куда?

— В меня.

Марк не понял, но послушался. Направил чужую важность в серый глаз, как луч в объектив.

Протез Инги погас.

Она вскрикнула и прижала ладонь к лицу. Ника бросилась к пульту. В комнате мигнул свет, хотя сеть здания не имела отношения к ее глазу.

Мертвый канал исчез.

Инга стояла, держась за стол.

— Простите, — сказал Марк.

— Он ушел?

— Да.

— Хорошо.

— Я мог вас...

— Да.

— Вы сами сказали.

— Я не говорила, что безопасно.

Ника сняла с Инги кабель, выругалась и выбежала за запасным модулем. Коган сделал полшага к Инге и остановился. Она держалась за стол сама. Его взгляд уже вернулся к черной радужке протеза — так другой человек смотрел бы на первый огонь.

— Значит, их можно переносить, — произнес он.

— Это все, что вы хотите сказать? — спросил Марк.

— Нет. Похоже, тело — только адрес.

Инга выпрямилась.

— Лев, остановись.

Коган услышал не просьбу, а спор, который они вели давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.